

на. Этот вывод находит свое подтверждение в палеантропологических данных, приводимых Кенигсвальдом.

Среди приобретенных им ископаемых зубов Кенигсвальд обнаружил нижний первый предкоренной и верхний первый коренной зубы, несомненно человеческого строения, сходные с соответствующими зубами синантропа. Однако есть и отличия. Вновь обнаруженные зубы несколько крупнее, чем зубы синантропа, и отличаются более простым рисунком жевательной поверхности. На переднем углу коронки предкоренного зуба имеется пояс, коренной зуб имеет дополнительный бугорок. По мнению Кенигсвальда, эти зубы принадлежали другому виду синантропов — *Sinanthropus officinalis*, жившему в Южном Китае одновременно с гигантопитеком. Предположение Кенигсвальда о существовании на юге Китая древнейших людей, сходных с синантропом, не может вызвать возражений, так как в печати уже были сообщения о находках древних человеческих зубов, близких к зубам синантропа в Северном Индо-Китае⁴, т. е. на территории, весьма близкой к южным областям Китая, откуда происходят зубы *Sinanthropus officinalis*. Эти данные только свидетельствуют о широком ареале обитания древнейших людей Юго-Восточной Азии. Весьма возможно, что именно южнокитайские древнейшие гоминиды явились причиной исчезновения гигантских ископаемых антропоидов, как это допускали некоторые светские исследователи⁵.

Значительный интерес представляет сообщение автора рецензируемой работы об обнаружении им зубов ископаемых антропоидов, наиболее, по его мнению, сходных с зубами австралопитеков Южной Африки (стр. 309).

Эти зубы, отличающиеся весьма простым рисунком рельефа жевательной поверхности, много больше зубов синантропа, но меньше зубов гигантопитека. Если последующее подробное исследование зубов подтвердит это весьма предварительное заключение, чрезвычайно расширится представление об этой своеобразной группе ископаемых антропоидов, живших на рубеже третичного и четвертичного периодов. В связи с этим не лишена интереса постановка Кенигсвальдом вопроса об азиатском происхождении группы австралопитековых обезьян (стр. 322).

Не вызывают возражений общие выводы Кенигсвальда о том, что гигантопитек, как и австралопитеки Южной Африки, является представителем боковой специализированной ветви гоминидной линии эволюции (стр. 322).

В качестве предковой формы для среднеплейстоценового гигантопитека Кенигсвальд считает гигантского индопитека — крупного антропоида, ранее известного под названием гигантского дриопитека, несколько зубов которого были обнаружены в среднеплиоценовых отложениях Сиваликских холмов в Индии. По мнению исследователя, в течение длительного времени, разделявшего обе ископаемые формы приматов, менее специализированные зубы индопитека могли преобразовываться в высокоспециализированные зубы блэковского гигантопитека (стр. 321). Можно допустить, что параллельно происходил и процесс эволюционного увеличения размеров тела — один из естественных путей морфобиологического приспособления животных организмов к окружающей среде.

В заключение обзора необходимо отметить, что работа Кенигсвальда о гигантопитеке, несмотря на то, что в ней нет больших теоретических выводов, нет анализа факторов эволюции позднетретичных и раннечетвертичных антропоидов, представляет интерес как конкретное исследование, до некоторой степени раскрывающее загадочную природу этого антропоида, обитавшего в Южной Азии в начале четвертичного периода. Основная же ценность этой работы заключается в том, что содержащийся в ней фактический материал подрывает основы так называемой гигантоидной «теории» антропогенеза — одной из новейших попыток идеалистического решения проблемы происхождения человека.

В. П. Якимов

НАРОДЫ СССР

Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общей редакцией профессора П. Г. Богатырева. Учпедгиз, М., 1954.

Выход в свет нового учебного пособия по русскому народно-поэтическому творчеству для вузов — заметное событие в советской фольклористике и в жизни высшей школы.

Создание полноценного учебника, в котором были бы обобщены и изложены в необходимой системе новейшие достижения науки, выходит далеко за пределы задач чисто педагогического порядка. Добросовестно, со знанием дела составленный учебник всегда отражает — в большей или меньшей степени — положение дел в данной отрасли науки; он позволяет в значительной мере верно судить о достижениях и недостатках в разработке основных теоретических проблем, дает возможность представить движение научной мысли, увидеть перспективы этого движения.

⁴ A. Brodrick. Early man, 1948.

⁵ М. Ф. Нестурх. Обезьянолюди и их отношение к прочим ископаемым гоминидам; В. П. Якимов. Ранние стадии антропогенеза.

Рецензируемая книга принадлежит как раз к учебным пособиям такого рода. Она создана коллективом фольклористов, в большинстве своем много и плодотворно работающих в советской науке. Она суммирует некоторые основные итоги большого и сложного пути, пройденного советской фольклористикой. Она выгодно отличается рядом несомненных достоинств от существовавших до сих пор у нас учебных пособий.

Долгое время основным вузовским учебником по русскому фольклору была книга Ю. М. Соколова. Вышедшая первым изданием в 1938 г., она сыграла большую роль в развитии науки о народном творчестве и в вузовском преподавании. Ныне же эта книга устарела и представляет известный интерес главным образом как работа, в которой запечатлен важный этап в развитии советской фольклористики; не утратив ценности и собранный в ней большой фактический материал.

Вышедшая новая книга заполняет существенный пробел в учебной и научной литературе по русскому фольклору. В какой степени отвечает она возросшим научно-педагогическим требованиям?

Первые ее разделы, посвященные общим теоретическим проблемам народного творчества, охватывают обширный круг вопросов. Введение (автор П. Г. Богатырев) сосредоточивает основное внимание на разъяснении сложных проблем, связанных с природой, сущностью и спецификой фольклора. Специальные главы посвящены раскрытию общего значения народной поэзии, выяснению основных идейно-художественных качеств русского фольклора. Здесь делается попытка раскрыть категорию коллективности как определяющую особенность фольклора. Специальные разделы посвящены темам: «Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин о народном поэтическом творчестве» и «Роль решительной партии и правительства в развитии советского фольклора» (автор Е. И. Василенко).

Вводные главы свободны от тех многих принципиальных ошибок и заблуждений, которые еще недавно были распространены в советской фольклористике и проявлялись в практике преподавания. Они верно ориентируют студента в понимании некоторых коренных проблем науки. Однако мы вправе требовать от автора введения в ряде случаев большей ясности и четкости в освещении методологических вопросов, большей остроты и глубины в разработке важных тем. Так, в введении правильно подчеркивается, что при изучении фольклорного наследия необходимо подходить к нему с позиций ленинского учения о двух культурах в каждой национальной культуре досоциалистического общества. Однако верный тезис о том, что в прошлом наряду с фольклором, как творчеством подлинно народных, существовали различные виды словесности, выражавшие идеологию господствующих классов, конкретизируется в введении очень неточно (стр. 4). Отдельные важные темы введения даны описательно, а иногда — декларативно. На стр. 7—8, говоря об отражении труда в русском народном творчестве, автор смешивает разные по существу проблемы: трудовые основы происхождения фольклора, вопрос о непосредственных связях отдельных явлений народной поэзии с потребностями трудового коллектива и тему труда в народном творчестве. Утверждение о реалистическом характере русского фольклора не нашло должной конкретизации. К сожалению, ни введение, ни главы, посвященные отдельным жанрам, не показывают, как же реализм — художественный метод — получает свое специфическое воплощение в фольклоре на разных этапах его истории. В главе о взаимном влиянии литературы и фольклора (стр. 15—18) приводится много конкретных фактов, но чрезвычайно важные вопросы о характере исторически сложившихся взаимоотношений литературы и фольклора, о роли народной поэзии в развитии русской классической и советской литературы, об острой борьбе, происходившей вокруг фольклора, — не поставлены. В введении недостаточно использованы классические ленинские положения о противоречиях в идеологии русского крестьянства.

Одна из лучших глав книги — «Из истории развития русской фольклористики» написана крупнейшим знатоком вопросов историографии народного творчества покойным М. К. Азадовским (автором разделов «Буржуазные школы в русской фольклористике и борьба с ними» и «Горький о фольклоре» является Ю. Н. Сидорова). Впервые в научной и учебной литературе здесь дано научно правильное представление о формировании и развитии русской фольклористики, свободное от пережитков буржуазного объективизма, влияний теории «единого потока» и некритического отношения к идеалистической западноевропейской науке. История русской фольклористики раскрывается как история непрерывной борьбы прогрессивного направления, представленного именами Ломоносова, Радищева, декабристов, Пушкина, революционных демократов Горького, против реакционных дворянско-буржуазных течений. Ю. Н. Сидоровой следовало бы суммировать выводы об основных идейно-методологических пороках, присущих всем школам и направлениям дворянско-буржуазной науки: антиисторизме, отрыве фольклора от реальной жизни и классовой борьбы народа, архаизации народной словесности, непониманию ее художественной природы. Явно ослаблена критика исторической школы. Не может не вызвать удивления отсутствие очерка истории советской фольклористики.

Раздел «Русское народно-поэтическое творчество до Великой Октябрьской социалистической революции» строится в книге не по историческим периодам, как это предлагают делать вузовские программы последних лет, а по жанрам. Расхождения с требованиями программ имеют в данном случае серьезные основания. Дело не только в том, что пока работа по созданию научной истории русского фольклора не завершена, не

может появиться и соответствующий учебник. Изложение учебного курса по жанрам обеспечивает студентам глубокое и творческое усвоение огромного и сложного материала. Наиболее целесообразным в вузовской практике большинство ученых и педагогов ныне признает вздумчивое сочетание жанрового принципа с элементами истории фольклора. К сожалению, в рецензируемой книге мы видим лишь попытки реализации этих требований. Авторы ее стремятся преодолеть традиционный подход к фольклорным жанрам как застывшим и неподвижным формам, они пытаются рассматривать жанры в их становлении и развитии, связывая эти процессы с изменениями в самой жизни народа, в его мировоззрении и художественном сознании. Содержательны и насыщены материалом, ценны в теоретическом отношении главы о календарной поэзии и обряде (автор В. И. Чичеров), загадках (автор И. М. Колесническая), сказках (автор Э. В. Померанцева), народном театре (автор В. Ю. Крупянская), об устно-поэтическом творчестве фабрично-заводских рабочих (автор А. Л. Дымшиц).

Однако очевидны и серьезные недочеты этого важного раздела книги. Одним из них является отсутствие итоговой (или вводной) главы, которая давала хотя бы сжатый очерк истории русского классического фольклора, обозревала бы его в целом, в ведущих линиях его развития. Главы, посвященные отдельным жанрам, оказались мало связанными между собой, они не вытекают одна из другой и не продолжают одна другую. В результате в столь важном разделе отсутствует какая-либо цельная концепция.

В ряде случаев принцип исторического рассмотрения жанра осуществляется непосредственно. Так, в главе о былинах (автор П. Д. Ухов) на стр. 260—270 говорится об основных этапах развития былинного творчества. В дальнейшем же разборе идейно-художественных особенностей отдельных былинных циклов и сюжетов нет конкретно-исторического подхода. В самой общей форме характеризуются исторические сдвиги в жанрах свадобных плачей (стр. 182). Очень слабо раскрыты пути исторического развития народной лирической песни (стр. 326—327, автор А. М. Новикова). Без должных оснований расширено понятие о жанре русских исторических песен (автор В. К. Соколова), в который включены песни рабочих конца XIX—начала XX в.— явление совершенно новое в русском фольклоре, не связанное с традициями исторической песни. Этот недостаток книги еще раз напоминает советским фольклористам о насущной необходимости широкой работы над созданием подлинно научной истории как русского фольклора в целом, так и его отдельных жанров.

Вторым существенным недочетом, присущим разделу классического фольклора, является слабая разработка вопросов художественной природы и специфики жанров. В ряде случаев характеристика поэтических особенностей жанра выделяется в специальные параграфы и дается чисто описательно, вне исторического движения. Много внимания уделяется самостоятельному рассмотрению отдельных приемов и средств, характерных для того или иного жанра, но художественная форма их как целое анализируется совершенно недостаточно. Книга заставляет сделать тревожный вывод, что в понимании и в исследовании основ и конкретных явлений художественности фольклора, его образной системы за последние годы нового сделано очень мало.

Характеристика жанров со стороны их содержания, идейной направленности, основного состава, центральных образов, роли в народной жизни в большинстве случаев дана четко и полно. Но и здесь есть отдельные упущения, встречаются формулировки, вызывающие возражения. Не все авторы одинаково успешно справились с трудной задачей определения сущности того или иного жанра. Требуется, например, большей конкретизации определение сказки как поэтического вымысла (стр. 229). На стр. 291 исторические песни определяются как «песни, говорящие об определенных исторических событиях и конкретных исторических лицах». Конечно, это существенный признак жанра, но не единственный: ведь дело не только в том, о чем говорят песни, но и в том, как раскрывают они явления жизни. В книге не даны по существу определения былин и лирических песен. Конечно, дать четко сформулированные определения жанров — задача подчас очень трудная. Но в учебном пособии совершенно необходимы характеристики основных признаков того или иного жанра, которые могли бы заменить определения.

Важнейший вопрос — о коллективной природе фольклора — слабо разработан в нашей науке. Естественно, что это сказалось и в разбираемой книге. Однако нельзя признать правильным, что авторы глав об отдельных жанрах даже не пытаются ставить этот вопрос. Читатель не найдет в книге попыток ответить на вопрос о том, как создавались в прошлом произведения народного творчества, какими основными закономерностями отличались процессы складывания русских сказок, былин, песен. Пытается дать такой ответ М. О. Шахнович в главе о пословицах, но делает это он совсем неудачно. М. О. Шахнович утверждает, что «каждая пословица когда-то была сочинена определенным лицом, но имя его осталось неизвестным» (стр. 196). Здесь от понятия коллективности не остается и следа.

Последний раздел книги посвящен русскому советскому народно-поэтическому творчеству (авторы В. Ю. Крупянская и С. И. Минц). Раздел этот построен по историческим периодам, в нем сосредоточен большой и разнообразный материал. Авторы прослеживают развитие советского народно-поэтического творчества в целом и в отдельных его явлениях, широко показывают богатство новых идей, образов, со вкусом подбирая художественные тексты.

В понимании основных вопросов сущности, специфики и качественных особенностей народного творчества советской эпохи авторы раздела стоят, на наш взгляд, в общем на верных позициях, разделяемых большинством советских фольклористов. Подчеркивая коренные перемены, происшедшие в судьбах фольклора после победы Великой Октябрьской социалистической революции, справедливо указывая на идейно-политическое единство советской устной поэзии и литературы, В. Ю. Крупянская и С. И. Милиц в то же время определяют советский фольклор как художественное явление, которое имеет свою специфику, которое не уничтожается и не исчезает с ликвидацией антагонистических классов в нашей стране, но продолжает жить и развиваться.

Однако эти общие положения, изложенные в начале раздела, не получают в дальнейшем столь же последовательно четкого развития и подтверждения. Больше того, анализ конкретного материала нередко вступает в противоречие с методологическими установками авторов. Конечно, ни с точки зрения принципиальной, ни с точки зрения методической нельзя отрывать рассмотрение истории советского фольклора от истории близких явлений советской литературы и профессионального музыкального искусства (массовая песня и др.). Но в книге эти два ряда явлений подчас смешиваются, произведение литературы и профессиональной музыки привлекаются для характеристики собственно фольклорных процессов. Даже при внимательном чтении отдельных глав нелегко подчас различить, где же кончается литература и начинается народное творчество.

Рассматриваемая книга в этом отношении разделяет в известной мере недостаток присущий большинству современных работ по вопросам советского фольклора.

Последнее замечание, относящееся ко всей книге в целом, касается библиографии. Здесь нет столь необходимого указателя рекомендованной литературы (по темам или в целом «по курсу»). Многочисленные библиографические ссылки в тексте часто случайны, в результате чего в книге не упоминается ряд ценных и нужных для студента исследований, зато названы многие работы, не имеющие большого значения.

Таким образом, рецензируемое учебное пособие не свободно от ряда недостатков как общего, так и более частного порядка. Оно подлежит дальнейшему совершенствованию и доработке. Мы подчеркнули эти недостатки прежде всего потому, что убеждены в ценности рецензируемой книги, которая имеет все основания стать одним из основных учебных пособий по русскому фольклору. Уже сейчас следует подумать над подготовкой второго издания книги, избавленного от недочетов, обнаруженных в первом издании. Помимо исправления ряда частных погрешностей, авторскому коллективу необходимо провести работу по трем основным направлениям. Во-первых, должна быть усилена теоретическая сторона пособия; важнейшие теоретические положения необходимо не только развить в введениях, но и всемерно конкретизировать в отдельных главах. Во-вторых, необходимо усилить историзм в рассмотрении явлений фольклора, дав специальную главу о возникновении и историческом развитии народного творчества и основательнее поработав над конкретизацией вопросов истории отдельных жанров. В-третьих, нужен более широкий и конкретно-исторический анализ вопросов художественной специфики фольклора.

Рекомендуя вышедшее пособие преподавателям и студентам вузов, надо вместе с тем ставить вопрос о создании специального учебника по истории русского народно-поэтического творчества. Наша высшая школа не может удовлетвориться каким-то одним учебным пособием. Нужны курсы лекций выдающихся педагогов, нужна полноценная хрестоматия по русскому фольклору, необходимые антология по истории русской фольклористики, сборники текстов отдельных жанров и т. д. Надо надеяться, что вышедшее учебное пособие — лишь начало, что соответствующие издательства будут планомерно выпускать литературу по фольклору, в которой так нуждается наша высшая школа.

Б. Н. Путилов

А. П. Разумова. *Из истории русской фольклористики*. П. Н. Рыбников, П. С. Ефименко. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954.

Разработка истории русской фольклористики в тесной связи с историей общественной мысли и освободительного движения является одной из важнейших задач советской науки о народном творчестве.

Советские ученые, пересматривая исторические схемы и концепции либерально-буржуазной фольклористики, впервые раскрыли значение трудов и высказываний по народному творчеству А. Н. Радищева, декабристов, революционных демократов — В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Вклад представителей революционной мысли в изучение народной поэзии оказался настолько велик, что в советской науке возникли и прочно утвердились особые понятия для определения созданных ими направлений, такие, как «декабристская фольклористика», «школа революционно-демократической фольклористики». Именно этим направлениям, традициям и деятельности их представителей обязана своими лучшими достижениями передовая русская фольклористика.